

ОТЗЫВ официального оппонента

о диссертации Ирины Юрьевны Граневой «Русские личные местоимения в свете интегрального описания языка: коммуникативно-прагматические, лингвокультурологические и когнитивно-дискурсивные аспекты», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.01 - русский язык (Нижний Новгород, 2021), 498 с.

Диссертация посвящена особому классу языковых единиц, личным местоимениям первого и второго лица, непосредственным образом и напрямую связанным с фундаментальным свойством языка - его антропоцентричностью. Акцент в диссертации сделан не на дейктическом характере личных местоимений, указывающих на роль участников ситуации в акте речи, а на исследовании их номинативного потенциала, коммуникативно-прагматических свойств и лингвокультурологической составляющей, на их референциальных свойствах в дискурсах разного типа. Большое внимание уделено процессам лексикализации и механизмам субстантивации, а также стилеобразующим и текстообразующим функциям личных местоимений. В центре данной работы находятся референтные и нереферентные употребления местоимений, способные выражать важные идеи и ценности русской языковой картины мира (ЯКМ). В целом данное исследование личных местоимений Я, ТЫ, МЫ и ВЫ носит комплексный характер, т.е. включает не только собственно семантические, но и референциальные, коммуникативные и прагматические особенности функционирования местоимений, с учетом разных типов речевых ситуаций и типов дискурса, различных статусов коммуникантов и разнообразных коммуникативных задач говорящего.

Даже перечисление, причем неполное, проблем и вопросов, исследованных в диссертационной работе И.Ю. Граневой, свидетельствует о том, что данная работа принадлежит к новой научной лингвистической парадигме, для которой характерно усиление антропоцентризма, функционализма (прежде всего в его коммуникативной разновидности), когнитивно-дискурсивного и лингвокультурологического подходов к анализу языковых явлений. Заявленные исследовательские подходы определили и комплекс задач, сформулированных на стр.7-9, которые, как представляется, полностью выполнены. В частности разработана методология «лексикографического портретирования» личных местоимений в свете идей интегрального описания языка, выявлены и систематизированы первичные референтные, вторичные референтные и нереферентные типы их употребления; изучены механизмы «номинативизации дейксиса» – лексикализация, субстантивация и фразеологизация местоимений 1-го и 2-го лица (обоснование названных понятий проводится в 1-ой главе, а детальный анализ – во 2-ой главе).

Все сказанное как общий предварительный анализ проведенного исследования дает возможность признать его актуальность, научную новизну и значимость, а также обоснованность структуры диссертации. В дальнейшем я выделю особенно интересные, с моей точки зрения, идеи и результаты исследования, а также сформулирую по ходу некоторые замечания. Основные же замечания будут изложены в конце отзыва.

В 1-ой теоретической главе хотелось бы отметить как достоинство диссертации развитие идей Н. Ю. Шведовой и О. Н. Селиверстовой. Доказывается и уточняется тезис Н. Ю. Шведовой о том, что «местоименные слова означают смыслы, восходящие к глобальным понятиям материального и духовного мира, углубляют, дифференцируют, сопоставляют и сочленяют эти смыслы». Именно личные местоимения играют основную роль в выражении концепта личности, воплощая разные грани персональности — категории повышенной культурной значимости для любого естественного языка. О. Н. Селиверстова в своей монографии 1988 г. показала, что значение личных местоимений не сводится к

указанию на отношение участников события к тому акту речи, в котором это событие описывается. Так, значение Я не тождественно значению таких выражений, как *произносящий данные слова*, а местоимений, ТЫ и ВЫ — словосочетаниям типа (*моя*) *собеседница*. И. Ю. Гранева развила, дополнила и уточнила концепцию О. Н. Селиверстовой в полном объеме, выявив богатство недейктической семантики личных местоимений. Интересное развитие получили также идеи "порождающей семантики" и семантической деривации в грамматике Е. В. Падучевой и Г. И. Кустовой. На основе концепции Ю. Д. Апрексяна в диссертации И. Ю. Граневой разработана иерархическая модель «лексикографического портретирования» личных местоимений, при описании дейктической и недейктической семантики учитываются их референциальные свойства и коммуникативные условиях употребления (с. 115-118).

Во второй главе («Значение и употребление русских личных местоимений в коммуникативно-прагматическом описании») применена разработанная в 1-ой главе собственная концепция «номинативизации дейксиса», при помощи которой исследованы языковые механизмы (1) лексикализации местоимений, т.е. употребления местоимения как номинативной лексемы без перехода его в другую часть речи; (2) субстантивации — перехода местоимения в несклоняемое существительное; (3) «фразеологизации» — вхождения отдельных форм личных местоимений во фразеологические обороты и фразеологизованные конструкции.

Вторая глава является центром диссертации. В ней содержится подробный анализ референтных и нереферентных употреблений местоимений Я, ТЫ, МЫ и ВЫ, их лексикализации и фразеологизации. Данный анализ позволяет обобщить закономерности «номинативизации дейксиса» и создать лексикографические портреты русских личных местоимений 1-го и 2-го лица, систематизировав все типы их употребления на основе референциальных свойств и с учетом «семантической деривации».

Проводится тонкий анализ разных сторон Я при референтном употреблении (развитие концепции Е. В. Падучевой): Я «духовного» и Я «телесного» и разные ипостаси Я «духовного»: субъекта дейксиса, речи, сознания, восприятия. В диссертации отмечено (стр. 132-134), что «все указанные роли не обязательно выражаются именно употреблением местоимения Я», что речь идет «о позиции субъекта, которая в высказывании облигаторно присутствует независимо от того, выражается ли она от первого лица или нет». Действительно, отмеченные условные роли можно выделить не только для местоимения Я и даже не только для Субъекта — для всех участников ситуации, причем в зависимости от контекста по отдельности или в комбинации. Например: *Тебя* здесь никто не удерживает; *Андрея* уложили здесь на диван - объект дейксиса, «телесный» образ актанта. Ср. также разнообразные роли для субъекта, выраженного местоимением ТЫ, или ОН, ОНА, или именем собственным: *Андрей сейчас тоже хочет что-то сказать*: субъект дейксиса, сознания и речи; *ТЫ говоришь тихо* - субъект речи; *Андрей / ТЫ нас не понял* - субъект восприятия; *А что же об этом сейчас думает Андрей? А что ТЫ об этом думаешь?* - субъект дейксиса и сознания и т.д. Соответственно данные роли можно было бы выделить, впервых, и для местоимения ТЫ, во-вторых, и для других актантов, не только субъекта. Поэтому, может, не стоило данные роли рассматривать у Я так подробно. Это первое замечание (к данному разделу 2-ой главы).

При этом считаю также важным добавить, что именно у 1-го лица, выраженного местоимением Я или формой глагола 1-го лица, есть особая функция Я «духовного», Я сознания, а именно функция выражения СУБЪЕКТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ (СР) ЛИЧНОСТИ, неразрывно связанной с настоящим актуальным. Для обозначения СР ЛИЧНОСТИ в психологии существует целый ряд терминов: «квалиа» как чувственные отображения, «интроспективное состояние», «текущее состояние», «текущее настоящее» и др. «Текущее настоящее» непрестанно движется, «образуя и продолжая непрерывный континуум СР данной личности» (Дубровский Д.И.). Только в СУБЪЕКТИВНОЙ РЕАЛЬНОСТИ ЛИЧНОСТИ, в текущем настоящем «живет совесть — ее не может быть вчера или завтра ... , ум

– я каждый день должен порождать в себе то состояния ума, которое делает возможным мои адекватные действия, нельзя успокоиться на прошлых достижениях, истина – она всегда живая, если это истина, и потому, как часть бытия, должна постоянно возрождаться» (Губин В.Д.). И СУБЪЕКТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ЛИЧНОСТИ может быть выражена только через первое лицо, через Я и настоящее актуальное время. Этим утверждением можно было бы усилить анализ очень важной роли местоимения Я в обозначении сознаваемой человеком собственной сущности, самого себя в окружающем мире, без чего ЛИЧНОСТЬ как таковая не может существовать – все остальные духовные роли ЛИЧНОСТИ могут быть осуществлены только при условии реализации этой исходной.

И в связи с этим еще одно добавление, связанное с углублением анализа для будущих исследований разных типов дискурса. Раз у местоимения Я выделяются разные ипостаси обозначаемой ЛИЧНОСТИ, то целесообразно рассмотреть их взаимосвязь и иерархию в разных типах дискурса (религиозном, философском, психологическом): отражено ли в русской ЯКМ Я духовное без телесного? Можно ли признать полноценное Я в речи ментально больного человека, у которого нет нормального самосознания, нет «квалиа» и др.?

И еще небольшое замечание по поводу референтных типов употребления местоимения МЫ. В диссертации подробно, на многих страницах (особенно подробно со 157 до 183 стр., а также и дальше) представлены две основные семантические и коммуникативно-прагматические разновидности МЫ — МЫ инклузивное (включающее позицию сл�ушателя) и МЫ эксклюзивное (исключающее позицию слушателя). Но представляется, что нет особых оснований для выделения в особый тип употребления включение или не включение в МЫ собеседника или собеседников, так как известно, что местоимение мы выражает 'я и любое другое лицо', 'мы = 'я с тобой, я с ним', 'я и еще несколько лиц', 'мы все вместе', 'я в составе неопределенного множества лиц' (я и они). И все включения и исключения определяются контекстом и ситуацией. Предложение *Завтра мы идем в гости* может выражать все возможные комбинации с другим лицом или лицами (я и ты; я и он, без тебя; я, ты и он; я, ты и они, я и они).

Главным достоинством 2-ой главы считаем всесторонний анализ языковых механизмов перехода дейктической функции в номинативную: лексикализации местоимений, которая не сопровождается грамматическими эффектами перехода личного местоимения в другую часть речи. Все эти семантические преобразования подробно отражены в портретах личных местоимений. Лексикализация ограничивается от субстантивации и от фразеологизации местоимений, т.е. вхождение отдельных форм личных местоимений в те или иные фразеологические обороты и фразеологизированные конструкции.

В 3-ей главе на большом языковом материале исследуется роль личных местоимений в отражении специфики языковой концептуализации мира в русском языке. Показано, что ценностно ориентированные производные употребления Я, ТЫ, МЫ и ВЫ могут задавать разный тип оценочной реакции говорящего на мир: она может быть направлена на объединение, на противопоставление и на выделение какой-либо референтной группы или (в случае Я) на ценностное выделение индивидуума из совокупности людей. Рассмотрены стилеобразующие и текстообразующие функции личных местоимений в художественном дискурсе, роль личных местоимений в моделях манипулятивной коммуникации, они участвуют в формировании приемов «языковой демагогии».

Наибольшим манипулятивным потенциалом обладает местоимение МЫ, в силу его больших возможностей обозначать не просто разные, но и противоположные множества людей. И в связи с этим я хотела бы высказать еще одно замечание, более серьезное. Я не нашла в 3-ей главе диссертации анализ роли местоимения Я и МЫ в русской ЯКМ в связи с культурологическими параметрами ИНДИВИДУАЛИЗМА / КОЛЛЕКТИВИЗМА. Известно, что по результатам обширного социологического и культурологического исследования второй половины 20 в. Г. Хоффстеде, см. (<http://geert-hofstede.com>), в котором проводились параметрические измерения национальных культур более 70 стран, русская куль-

тура была отнесена к коллективистским. Индекс индивидуализма относительно Великобритании, США и Австралии в данном исследовании исчисляется 89 баллами и выше, тогда как для России он определен 39 баллами, соответственно делается вывод о тяготении русской культуры к полюсу коллективизма.

Противопоставленные параметры ИНДИВИДУАЛИЗМ / КОЛЛЕКТИВИЗМ отражаются на восприятии «образа себя»: в индивидуалистской культуре – это «Я-образ», в коллективистской – «МЫ-образ» (Г. Хоффстеде). Это еще в начале 20-го века отмечали и русские философы: «западный мир исходит из «Я», русский — из «МЫ», такова русская «мы-философия» (С. Л. Франк). Как важный показатель доминирования Я-образа или МЫ-образа социологи рассматривают закономерности употребления личных местоимений в языках: в индивидуалистских культурах «употребление местоимения Я необходимо», в коллективистских культурах «местоимение Я избегается» (Г. Хоффстеде). Действительно, в русском языке фиксируется избегание употребления местоимения Я, в частности в научном дискурсе, вместо него используются авторское МЫ либо безличные предложения типа *Представляется, что..., Можно прийти к выводу, что....* МЫ авторское анализируется в диссертации, но культурологический параметр коллективизма в должной степени не учитывается. Некоторые объяснения авторского МЫ в диссертации вызывают если не возражения, то сомнения. Например, в диссертации на стр. 175 говорится о том, что «следование традиции употреблять МЫ вместо Я можно рассматривать как некоторое смягчение индивидуальной ответственности говорящего за сказанное». При этом сам автор отмечает, данное предположение «входит в определенное противоречие с другой имплицитной установкой научной коммуникации — установки на личную ответственность ученого за высказанные им идеи и приведенные им аргументы и выводы». В общем, трудно согласиться с приписываемым ученым стремлением уйти в публикациях от ответственности за результаты своей работы. Думаю, что преобладание МЫ и избегание Я в некоторых типах дискурса связано прежде всего с культурологическим параметром КОЛЛЕКТИВИЗМА, свойственного русской картине мира. Показательна в этом отношении и русская конструкция *мы с друзьями*, когда имеется в виду я и друзья (ср. с английской конструкцией *I and my friends*) (Г. Хоффстеде).

Высокой оценки заслуживает проведенный в диссертации анализ речевых стратегий, риторических фигур, которые строятся при помощи личных местоимений, выполняющих стилеобразующие и текстообразующие функции в публицистике и в художественном дискурсе, — он связан с 7-ым положением, выносимым на защиту. Все остальные выносимые на защиту положения также находят исчерпывающее обоснование в работе: прежде всего принципы описания личных местоимений 1-го и 2-го лица в рамках коммуникативно-прагматического подхода в свете идей интегрального описания языка и на основе анализа типов референции местоимений, с учетом прагматических и коммуникативных условий их употребления, типов и характера речевой ситуации и видов речи. Заслуживают высокой оценки и «лексикографические портреты» местоимений.

Основные мои замечания, помимо трех по семантике Я и МЫ, а также некоторых дополнений, также связанных с семантикой и анализом русской ЯКМ, сделанных выше, касаются грамматической проблематики.

1) Трудно согласиться с точкой зрения, высказанной в диссертации, «согласно которой местоимения являются особой частью речи, внутри которой в качестве особого семантического разряда выделяется группа личных местоимений» (стр. 119, 33). Эта точка зрения высказана, но никак не аргументирована. «Часть речи» — это уже устоявшийся термин. Класс местоименных слов, проявляющих грамматические признаки существительных (*я, он*), прилагательных (*такой, этот*), числительных (*сколько, столько*) и наречий (*там, тогда*), противоречит общепринятым определению частей речи как грамматических классов слов, «характеризующихся совокупностью следующих признаков: 1) наличием обобщенного значения; 2) комплексом определенных морфологических категорий; 3) общей системой парадигм; 4) общностью основных синтаксических функций» (РГ-

1980). Чтобы отказаться от общепринятого определения, надо дать свое определение и аргументировать его, но в диссертации это не было сделано.

2) Все же не хватает аргументации для отказа от анализа местоимений 3-го лица в докторской диссертации. «В настоящей работе принято поддерживающееся многими лингвистами представление о разграничении местоимений собственно личных, к которым в языках мира относятся местоимения, указывающие на двух базовых участников коммуникации — говорящего и слушающего (т.е. местоимения I и II л.), и несобственно-личных, «лично-указательные» или «возвратные», для которых эта функция либо определяется «от противного» ('лицо, не участвующее в коммуникации'), либо осложняется другими — анафорическими или «отсыльными» функциями (местоимения III л.)» (стр. 6). В этом отрывке местоимения 3-го лица определяются как «несобственно-личные» или «лично-указательные» - но это же не особый разряд, они соотносятся с собственно личными местоимениями. Тогда система личных местоимений нуждается в более развернутом описании. Точно так же необходимо описание системы лично-притяжательных местоимений (которые неожиданно появляются в 3-й главе в разделе 3.1.1), нужен и анализ того, как они связаны с личными в системе местоименных слов.

3) Есть неточности в трактовке класса местоимений в *Русской грамматике* (1980). На стр. в диссертации говорится, что в *«Русской грамматике»* (1980) «отсутствует выделение местоимения в качестве особой части речи, но представлены особые группы слов-местоимений в ряду четырех важнейших частей речи: местоимение-существительное, местоимение-прилагательное, местоимение-числительное и местоименное наречие». Но достаточно посмотреть на оглавление *Русской грамматики*, чтобы убедиться в том, что в Грамматике как отдельная часть речи представлено только местоимение-существительное, а остальные местоименные слова трактуются как местоименные прилагательные, местоименные числительные и местоименные наречия, т.е. как особые разряды в рамках названных частей речи.

Обобщая сделанные замечания, надо сказать, что термин «интегральный», введенный в лингвистику Ю.Д. Апресяном, означает, что лексикографическое описание данного языка должно быть идеально согласовано с его грамматическим описанием по типам лингвистической информации и формальным языкам ее представления. Среди прочего это значит, что каждой лексеме, помимо толкования, должна быть приписана вся грамматическая информация (<http://www.ruslang.ru/agens.php?id=div&sp=3>). Поэтому, с моей точки зрения, принципу интегральности разных по типу значений, прекрасно реализованному в диссертации в лексикографическом портретировании личных местоимений, не хватает грамматических сведений, в том числе и о связи личных местоимений с глаголом через общую категорию лица. Ведь многие значения личных местоимений, например обобщенное лицо, могут быть выражены глагольными формами без местоимений. Сопоставление реализации категории лица в системе личных местоимений и глагольных личных форм можно определить как будущую исследовательскую задачу. При этом важно отметить, что грамматическая информация в рецензируемой работе И. Ю. Граневой не играет важной роли и, скорее, находится на периферии темы данного исследования.

Подытоживая все сказанное, заявляю, что считаю диссертационную работу И. Ю. Граневой большим вкладом в развитие новой научной лингвистической парадигмы, интегральной и антропоцентрической, в которой реализуются коммуникативно-прагматический, когнитивно-дискурсивный и лингвокультурологический подходы к описанию грамматических единиц русского языка, в данном случае личных местоимений.

Автореферат и отраженные в нем 62 публикации, среди которых 19 публикаций входят состав рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК РФ, а также индексируемых в международных базах научного цитирования Web of Science и Scopus, соответствуют проблематике исследования и с достаточной полнотой отражают содержание работы. Полученные И. Ю. Граневой научные результаты соответствуют паспорту заявленной специальности 10.02.01 – русский язык.

Всё изложенное свидетельствует о том, что диссертационная работа «Русские личные местоимения в свете интегрального описания языка: коммуникативно-прагматические, лингвокультурологические и когнитивно-дискурсивные аспекты», представленная на соискание ученой степени доктора филологических наук, является самостоятельным исследованием актуальной научной проблемы и соответствует требованиям, установленным пп. 9-14 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в ред. от 11.09.2021 г.), а ее автор, Ирина Юрьевна Гранева, заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по научной специальности 10.02.01 — русский язык.

Петрухина Елена Васильевна,
доктор филологических наук
(специальность 10.02.01 – русский язык, 10.02.03 – славянские языки),
профессор кафедры русского языка
филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова
Москва, 14 сентября 2022 г. **Подпись заверяю**
ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»
Адрес: 119991, Российская Федерация, Москва, Ленинские горы,
д. 1, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Тел.: (495) 939-10-00 Факс: (495) 939-01-26
сайт: www.msu.ru
Эл. адрес: info@rector.msu.ru

Против включения данных, содержащихся в отзыве, в документы, связанные с защитой данной диссертации, и их дальнейшей обработки не возражаю.